

Самуил (Шмуэль) Гордон. На своей земле

Рисунок Владислава Цапа

Этим очерком мы продолжаем публикацию переводов путевых заметок Самуила (Шмуэля) Гордона, побывавшего в нашей области летом 1947 года.

В небольшой сборник очерков «Биробиджанские старожилы» писатель включил и рассказ о буднях колхоза «ДВАДЦАТЬ лет Октября», основанного евреями-переселенцами в конце 30-х годов прошлого века и положившего начало нынешнему селу Птичник.

Дома первой со стороны города улицы села – усадьбы колхоза «Двадцать лет Октября» – стоят чуть ли не вплотную к обочине Валдгеймского шоссе. Остальные сельские постройки расположились тоже неподалеку от дороги, но их отсюда за деревьями почти и не разглядишь. Хотя за десять лет существования пригородной сельхозартели «Двадцать лет Октября» лес в ее владениях заметно поредел: топор и пила в руках сельчан сделали свое дело: лес пошел на строительство вот этих самых домов, хлевов, сараев и сооружение разномастных изгородей. Так вот росла и выросла здесь целая деревня – еще один населенный пункт Ерейской области. Теперь в здешней округе не часто встретишь коренных обитателей тайги, говорят, что поменьше стало комаров и мошки, так что сейчас, например, можно спокойно отдохнуть в тени деревьев, полежать на горячем песочке, искупавшись в Бире, которая протекает буквально в двух шагах от селения. Вот уж где раздолье для ребятни! И в этот жаркий день даже с оживленной дороги, связывающей Биробиджан и Валдгейм, можно легко расслышать звонкие детские голоса, доносящиеся со стороны реки.

… Третий дом на первой от города сельской улице – правление колхоза, попросту – контора. Войдя в нее, неожиданно для себя вижу стоящего у окна военного. Напротив него, возле печки, прижавшись к ней спиной и приложив к ней ладони, стоит пожилой еврей – судя по всему, человек из местных. Я появился в конторе, видимо, в самом начале беседы этих людей, и мне было нетрудно понять, о чем эти двое вели речь. Оказалось, что военнослужащий буквально на днях получил письмо от своего земляка из Гайсина. Тот, недавно узнав от кого-то из своих знакомых, что их родственник, старший сержант Йосеф Магидов, служит сейчас в Хабаровске, прислал Магидову письмо, в котором были такие строки: «От города, в котором вы несете свою почетную службу, как мне тут рассказали, совсем недалеко до Биробиджана. Так вот не будет ли у вас возможности побывать в том Биробиджане и хорошоенько разузнать там, как и что, а потом отписать мне, как сейчас живут в Еврейской области переселенцы?» «Только, – было сказано в самом конце письма с Украины, – уж пожалуйста, пишите нам все по правде».

Прочитав письмо от земляка из Гайсина, старший сержант Магидов попросил командира дать ему трехдневный отпуск, чтобы съездить в Еврейскую область. Два дня Йосефу хватило, чтобы обойти Биробиджан и познакомиться с городскими предприятиями. Сказать к месту, здесь Магидов встретил немало теперь уже бывших своих земляков – людей самых разных специальностей. При этом едва ли не каждый из них интересовался у сержанта, где бы сам он после окончания службы захотел устроиться на работу, если у него появится желание остаться в областном центре. Посетил Магидов и учебные заведения города. Не преминул он заглянуть в городской парк, а также побывать в театре, где встречался и беседовал уж точно не с двумя-тремя горожанами, которые, не скучая на слова, отвечали на все вопросы Йосефа, что называется, во всех подробностях.

Между прочим, тот автор письма из города Гайсина просил сержанта разузнать, как обустроились там евреи-переселенцы, пожелавшие жить и трудиться на земле, то бишь в колхозах. Так что Йосеф Магидов не поленился и отшагал добрым пяток километров от города до месторасположения сельхозартели «Двадцать лет Октября», дабы собственными глазами взглянуть на то, как живут евреи-крестьяне. Только вот незадача: появился сержант в колхозном поселочке в час, когда здесь не так просто кого-то встретить. День летний, погожий – все на полях. Так что чистой случайностью можно было тут счесть встречу Магидова с Хаимом Гендином, который оказался в конторе, чтобы ответить на ожидавшийся телефонный звонок из Биробиджана. Вообще-то сюда, в колхозное правление, из райисполкома должны бы звонить не ему, Гендину, а председателю «Октября» Ошеру Черняховскому, которому накануне было обещано дать ответ на какой-то важный для него деловой вопрос и перезвонить Черняховскому завтра. Только предколхоза в тот день понадобилось срочно отъехать на дальнюю пасеку и, завернув по дороге к дому колхозного счетовода Гендина, председатель и перепоручил тому ответить на ожидаемый телефонный звонок из исполкома: вдруг, мол, сам предрайисполкома будет звонить… А он, Гендин, в селе все-таки тоже не последний человек, а председатель колхозной ревизионной комиссии. Вот счетовод и дежурит теперь в конторе, ожидая, пока наладят связь с городом, и при этом не сводит глаз с телефонного аппарата, что на стене напротив него. Такое впечатление, что он, Хаим Гендин, предстоящий звонок должен увидеть, а не услышать. При этом по всему чувствуется нетерпение «дежурного»: не дело в такую пору попусту время тратить… Впрочем, Йосеф Магидов примерно в том же положении: ему сегодня надо побывать еще и в облисполкоме, чтобы получить там исчерпывающие сведения об условиях переселения людей в ЕАО (земляк сержанта просил его написать об этом в Гайсин поподробней) и успеть к отправлению вечернего поезда на Хабаровск. Хотя, надо признать, сержант умело скрывает досаду. Действительно: он-то хотел здесь поговорить с колхозным председателем, а тут этот конторский, который и сам сидит сейчас как на иголках. Вернее,

не сидит, а время от времени встает и нервно расхаживает по комнате, останавливаясь возле печки, и почему-то прикладывает к ней ладони, как делают это люди зимами, входя в помещение с мороза.

– Вот и торчи здесь теперь! – в сердцах выговаривает неизвестно кому счетовод. – Я где должен сейчас быть? Как все добрые люди в поле я должен быть. Жатва же идет. Уборочная!

Подойдя к окну, Гендин смотрит в небо и, обернувшись к нам, спрашивает:

– А не кажется ли вам, товарищи, что дождем попахивает? Не смотрите, что небо пока чистое. Вон ведь парит-то как! Эх, хватало бы в колхозе народу, мы бы тут все в золоте ходили, и никакие дожди бы нас не пугали! Ну так когда же, товарищ старший сержант, появятся у нас здесь пассажиры из вашего Гайсина?

– «Появятся»... Только где они тут жить у вас будут?

– Как это «где»? – не на секунду не задумавшись, отвечает старожил колхозного села Хаим Гендин. – Мы ж не в шалашах здесь проживаем. Да и Биробиджан для всех нас не какой-нибудь дядька чужой. И приютит, и накормит. Лес на строительство у нас есть? Сколько хочешь. Государство кредиты дает? Дает. Только закатывай рукава повыше, берись покрепче за топор и пилу, да и строй себе. Я вам гарантию даю: сколько бы переселенцев к нам ни прибыло, все будут жильем обеспечены. Мне вон тоже раньше строителем быть не приходилось, а когда понадобилось, так и я научился плотницкий инструмент в руках держать. Да и не больно-то велика та премудрость. Стоит только захотеть, до всего и умом, и руками дойти сумеешь.

– То есть вы хотите сказать, что о квартирах новые переселенцы должны сами позаботиться, так что ли? – вставил свое слово в речь Гендина Йосеф. – Хотя с заработками тут у вас, я думаю, что...

– С заработками как? – не дав докончить фразу, возбужденно перебил собеседника Гендин. – Э, ты только знай себе работай. Чем, вы думаете, занимались те люди, которые приехали сюда первыми? Работой они занимались и имели за свою работу таки неплохо.

Хотя было у них, то есть у нас, в то время совсем несложное ремесло – лес валить да пни корчевать. Но вы посмотрите на наших евреев сейчас. Настоящие ж богатыри!

– Вы вот мне говорили, что у вас тут даже виноград растет, – очевидно, возвращаясь к началу его беседы с Хаимом, заговорил Магидов. – Неужто и виноград здесь расти может?

– Представь себе, может. Зайди в наш сад – все сам увидишь. Да таких ягод, как у нас, даже в самой Одессе не постыдились бы.

– И что? Большой у вас сад?

– Да, и довольно большой. Нынче мы его еще увеличили. Клубнику посадили... Земли-то здесь кругом не мерено.

Тут я обратил внимание на то, что свои вопросы сельскому старожилу Магидов попросту вычитывает в письме, которое лежит у него под локтем на краю стола, и тут же делает на бумаге какие-то свои пометки. Ну а всяких разных вопросов у сержанта, кажется, и не сосчитать.

– А почвы у вас какие тут? – обращает Магидов к собеседнику очередной вопрос.

– Да примерно такие же, как по Амуру. Такие, что дождей не боятся. Песчаные. Не раз ведь бывало: как только уборочная началась, тут и полило. Но смотришь: денек-другой – и нет на полях никакой тебе воды. А главное же то, что здесь у нас, что ни посей, ни посади – все вырастет.

– Ну а на полях кроме овса и пшеницы что вы тут выращиваете?

– Ой, да все, что можно. Зелень разную, морковь, капусту, лук, помидоры, огурцы. Про картошку я уже не говорю. С прошлого года сою начали сеять. В общем, можешь себе записать, что на месте мы не стоим. Молочная ферма у нас есть, конюшня. Ну а в крепком колхозе – это ж всем понятно – и народ закрепляется.

– И что тот ваш народ имеет за свою работу?

– Что тебе сказать? До войны у нас трудодень был-таки богатый. Кроме хлеба выдавали на него картошку, овощи, ягоду, мед. Деньги даже. В прошлом году тоже вроде как неплохо люди заработали.

– И еще позволь задать вопрос. Сколько, например, тех трудодней за год ваш колхозник выработать может?

– Ну это уж как кто постараится. Хотя что говорить? Можно даже бумаги уже за этот год поднять. Да вот...

С этими словами Гендин подошел к вместительному шкафу возле одной из стен, снял с полки потрепанную папку и, развернув в ней нужное место, громко, как будто с трибуны людного собрания, начал читать:

– Мордко Кацев – двое работающих в семье – семьсот пятьдесят трудодней; сестры Закман – тоже двое – шестьсот сорок трудодней; Михл Донов с женой и сыном – семьсот; Йосл Басов с женой – девятьсот трудодней... И учтите, что это только за семь месяцев, да. Но читаем дальше: Пейси Гейши...

В это время зазвонил телефон. Хаим Гендин, все это время сидевший как на иголках в ожидании звонка, неожиданно неторопливо и с преважным видом снял с рычага телефонную трубку и, басовито кашлянув для очистки голоса, представился звонившему:

– Хаим Гендин у аппарата. Слушаю вас. Что? Где Черняховский? В настоящий момент товарищ председатель находится на пасеке. Я? Я председатель ревизионной комиссии колхоза. А? Да, люди нам наверное же нужны. Что-что? Хорошо, поселим. Есть-есть где расселить.

Разговор закончен, но Гендин, очевидно, от волнения, так и продолжает держать телефонную трубку плотно прижатой к щетинистой щеке. Но по другой щеке и по подбородку Хaima угадывается довольная улыбка. Хотя в глазах человека читается соответствующая моменту серьезность.

– Ну что, слышали? – обводит нас Гендин торжествующим взглядом. – Новых переселенцев нам прислать собираются.

И повесив на место трубку, решительно заключает:

– Ну а раз собираются, значит, и пришлют. Понятно? А Черняховский вот-вот подъехать должен. Так что с ним вы про все и переговорите. Между прочим, человек он уважаемый. Так что ваши из Гайсина, – кивнул Хаим на сержанта, – на его слова могут вполне полагаться. А знаете что? Давайте-ка пройдемся до поля. Тут недалеко. И как раз председателя-то, я думаю, мы сейчас там точно встретим.

– Что-то мне погодка сегодня не нравится, – неожиданно меняет тему разговора Гендин.

«С чего бы это? – подумалось мне. – День жаркий, с самого утра в небе ни облачка. А солнце какое!» Но, по мнению Гендина, именно «такое» солнце и предвещает ненастье.

– Да, насколько я уже понял, на осадки в теплое время года здешний климат не скupится, – заговорил Магидов. – Дождей тут льется больше, чем надо.

– Тут вы ошибаетесь, товарищ, – решительно возражает сержант Гендин. – Вы знаете, почему так часто приходится слышать разные нехорошие толки о наших «биориджанских» дождях?

– И почему же?

– Да потому что у вас на Украине дожди идут так: немножко весной, немножко летом, немножко осенью. А у нас иначе: днями, а то и неделями напролет, тепло, сухо, солнечно – душа радуется… Но если уж польет, то, бывает, на целую декаду. Ну и если посчитать, то дождливых-то дней у нас никак не больше, чем в том Гайсине. Я ведь родом тоже из ваших мест, с Украины. Да и в нашей области не первый год проживаю…

Слово за слово, и Йосеф Магидов соглашается с собеседником, что биробиджанскоe солнце равно, как и биробиджанские дожди, куда щедрее, нежели в краю прежних еврейских местечек.

– Хотя, правду сказать, и у нас там по-разному бывает. В прошлом году за все лето хорошо, если пару раз дождь прошел. И нынче, мне пишут, солнце опять жарит. Вот прямо, как у вас сейчас, – энергично обмахиваясь пилоткой, как веером, завершил дискуссию о капризах климата Магидов.

Между тем, перейдя шоссе, мы тут же оказываемся на нешироких сельских улицах и одновременно в тени больших деревьев. Уже отсюда ощущается и живительная прохлада ближнего леса.

Старший сержант Йосеф Магидов, привыкший шагать широко, по-военному, идет сейчас не спеша. Как раз теперь у него появилась возможность осмотреть здесь все лично

самому и в непосредственной близости к этому «всему»: к домам с крылечками, к просторным дворикам за изгородями и к тому, чем могут похвальиться местные садоводы-любители. При этом, чуть отклонившись в сторону от темы «Жизнь в колхозе «Двадцать лет Октября», Магидов продолжает разговор:

– Здесь мне все понятно, да. Но вы мне можете сказать, почему наших евреев сейчас-то тянет к вам в Биробиджан?

– Ха! А почему вы сказали «сейчас»? – живо откликается Гендин. – Все годы люди к нам сюда ехали и таки едут. Ну, может, и не так много народа приезжало, это правда, но область-то наша заселяться не перестает. Вот только я вас тут тоже спрошу: а легко ли это человеку – с насиженного места срываться? Если только его нужда, конечно, с того места не гонит. А в наше время человек на жизнь заработать может хоть здесь, хоть там, хоть еще где-то. Ведь сколько сейчас надо восстановить заводов и фабрик! За время войны целые города и села были стерты с лица земли. А мало ли людей вернулось из эвакуации к своим сожженным и разрушенным домам? И что? Берись и начинай все сначала. А разве это нельзя сделать и здесь, в нашей области? Крыша над головой любому из нас везде нужна.

Владислав Цап

На этом месте, как бы достигнув вершины своих рассуждений, Гендин прервал свою речь, чтобы немного перевести дыхание и, чуть сбавив тон, заключил:

– Ну и поскольку государство наше учредило Еврейскую автономную область, ее надо строить. Не кому-нибудь строить, а нам самим. Гитлер и другие наши враги смеялись над нами, евреями, когда мы начинали создавать на этой земле советскую автономную область. А пройдет время, и мы будем иметь здесь уже свою республику.

После этого монолога, как я отметил про себя, Магидов как-то иначе, проще сказать, с подчеркнутым уважением стал общаться с колхозным счетоводом: в глазах юноши Гендин предстал человеком твердого слова и живого настоящего дела – дела, благодаря которому преображается от века не тронутая людьми земля, одновременно преображая и их самих.

– Но ведь чтобы строить и построить свою область, сюда должны приехать много переселенцев, очень много.

– Да, и они приедут к нам сюда! – уверенно подтверждает Хаим. Вспомните: если дерево посажено как надо, ветвей на нем будет не счесть.

В этот момент до нашего слуха донеслось мычание теленка.

– А что, в личных хозяйствах у ваших колхозников, верно, и коровы есть? – как по подсказке задал сержант Гендину еще один вопрос.

– Ну а как же иначе-то? Народ у нас тут обжился. А крестьянин без скотины на подворье – он кто?

– Да, чуть было не забыл. У нас в Гайсине некоторые тоже коров держат. Так вот в письме своем они интересуются: если ехать на Восток, то как будет лучше – с собой тех буренок да красоток везти или продать их там, а здесь уже других покупать?

– Конечно, лучше будет здесь купить. Украинским коровенкам здесь точно не климат. А за деньги, которые тамошний хозяин от продажи коровы выручит, он может тут и холмогорку недорого приобрести или даже симменталку. Это у нас на Дальнем Востоке лучшие породы. Молоко от них что твоя сметана.

Когда мы шли перелеском, Йосеф Магидов иногда замедлял шаг и даже останавливался, оглядываясь по сторонам, словно кого-то поджидал.

– Вы, я вижу, что-то ищете? – спросил у него Гендин.

– Вы будете смеяться, а я вот хочу, чтоб меня сейчас паут укусил. Мои из Гайсина просят меня описать им тех паутов во всех значит подробностях...

– Чтоб те паути человека покусали?! Напишите им, что такого никогда даже и быть не может. Вы-то уже сами знаете, что паут – это такая большая муха. Ну да, жужжит больно громко. Ну жужжит себе и жужжит. Этого что ль бояться? А утром да вечером паутов этих вообще не видать и не слыхать. А где-нибудь в тайге так вы их и днем не услышите. Вот вы в Биробиджане побывали, по нашей деревне прошли – и что, много вы тех паутов встречали?

Замолчав, Хаим Гендин ускоряет шаг, и через несколько минут мы стоим на краю колхозного поля. Угодья колхоза «Двадцать лет Октября» занимают неширокий, относительно возвышенный участок равнины, протянувшийся между заболоченной опушкой леса и валдгеймским шляхом. Здесь нас, только что вышедших из прохлады лесного сумрака, встретил щедрый свет яркого летнего полудня. Высоко поднявшееся солнце сегодня как будто остановилось в своем движении и полыхает во всю свою мощь.

Йосеф Магидов, окинув внимательным взглядом представшую перед нами картину, наклоняется и срывает колосок пшеницы. Затем, размяв его в ладонях, пересчитывает вылущенные зерна. Судя по лицу сержанта, результатом своей «контрольной» манипуляции он вполне довлетворен.

– А где же остальные ваши мужчины? – тут же обращается Магидов к сопровождающему нас счетоводу. – Что-то, я вижу, маловато их здесь.

– Э, да чему тут удивляться-то? – слышится в ответ. – Разве война где-то мимо наших биробиджанских евреев прошла? Были годы, когда наших мужиков у нас в «Октябре» по пальцам можно было пересчитать. Это теперь у нас почти в каждом доме мужчины. А почему их тут не видно сейчас? Да потому что кто-то из них на тракторах,

кто на молотилке, кто сегодня с дальних лугов сено вывозит. В общем, все мужики там, где трудней...

Неподалеку от пшеничного поля на колхозном огороде (правда, никак и ничем не огороженном) работают женщины, девочки и несколько старушек. Все в легких платьях или в сарафанах, все в белых платках. Большие плетеные корзины работающих быстро наполняются у кого красными помидорами, у кого огурцами. Сборщицы действуют на диво ловко и слаженно. У меня создается впечатление, что зрелые плоды просто сами собой прыгают с земли и из-под листвьев в подставляемые к ним корзины. Люди работают с молчаливой сосредоточенностью, с дальнего края поля сюда к нам доносится лишь рокот трактора.

Мы проходим как раз по краю малинника, Йосеф Магидов срывает с куста несколько крупных ягод, внимательно рассмотрев их, пробует на вкус и тут же делает для себя еще одно приятное открытие:

– Слушайте, – громко окликает он Гендина. – А ведь у вас и правда просто отличная малина!

– А что вы себе думаете? Это ж лучший сорт! – отозвалась на слова сержанта одна из близко работающих женщин. – Хаим, а кто этот товарищ с тобой?

Узнав, с каким поручением Магидов прибыл в их колхоз, женщины буквально окружили его, и каждая из них сочла нужным по-своему сообщить гостю, как люди в их селе живут, как в нем можно жить и что жить в нем можно хорошо.

– Да не раскаются, нисколько не раскаются ваши гайсинцы, если вы их «сосватаете» сюда приехать. Им у нас понравится. Мы вон уже сколько здесь живем, и никто ж на Биробиджан пока не жаловался. Скажи, Хаим.

Хаим Гендин, до этого стоявший в сторонке, со смехом отвечал:

– Хорошенько было б дело, если бы биробиджанский старожил здесь, на своей земле, стал на что-то обижаться да жаловаться! Разве что на самого себя. Скажите-ка мне лучше, бабоньки, не видели ли вы тут Черняховского?

– Да был он здесь. Недавно был. Наверно, к комбайну пошел.

Спустившись с пригорка, видим стоящего между двух стогов сена председателя колхоза Ошера Черняховского, человека среднего роста, на вид лет тридцати с небольшим. У него умное энергичное лицо, светлые глаза. Гендин несколькими словами представил нас своему «шефу».

– Тогда вот что, товарищ старший сержант, – заговорил Черняховский. – Давайте наш разговор отложим на потом, а сперва будет правильней показать вам здесь наши владения – поля, огород наш, вообще хозяйство.

Рисунок Владислава Цапа

И с людьми вам поговорить тоже совсем не помешает. Только учтите вот что. Неважно, где захотят поселиться ваши земляки – то ли у нас здесь, то ли в другом каком колхозе – большого значения это иметь не будет. Главное, чтобы те, кто к нам в область захочет приехать, были бы под стать старожилам нашим. Надеюсь, вы понимаете, что я этим хочу сказать.

Слушая председателя, Йосеф Магидов без труда, что называется, чутьем уловил-понял, что стоит сейчас перед человеком военного покроя, причем старшим по званию. Сержант не ошибался: председатель Черняховский, в недавнем прошлом офицер, вернулся из действующей армии (точнее – с фронта) в самом конце войны. Встретить победу в Германии ему, командиру минометной роты, награжденному орденом и четырьмя медалями, помешало серьезное ранение. Сойдись Магидов и Черняховский при иных обстоятельствах, они бы непременно сблизились и подружились, и обоим им было бы что поведать о суровых буднях военного времени. Один вспомнил бы о сражениях на Украине и в Чехословакии, другой – о боях за освобождение Маньчжурии и Кореи.

Обратив внимание на то, что Черняховский при ходьбе заметно припадает на левую ногу, я спросил Гендина:

– Видно, человек не совсем еще от ранения оправился?

– Да у него вообще одной ноги до колена нет – на протезе ходит, – вполголоса отвечал мне Хаим. – Только не из тех он людей, что на одном месте сидят. Целыми днями то в полях, то на ферме, то в мастерских. И ведь как-то не устает даже! Я вам так скажу: если б у нас Черняховский с самого начала председателем стал, колхоз наш сейчас много крепче был бы. Точно вам говорю.

Ошера Черняховского, инвалида Отечественной войны, колхозники избрали своим председателем еще тогда, когда он лежал в госпитале. Согласие занять эту ответственную должность «октябрят» получили от него сразу же. Поселок колхоза «Двадцать лет Октября» – можно сказать, родной дом Ошера. Больше половины своей жизни, будучи еще шестнадцати лет от роду, прожил он в Ерейской области, и все это время – в невеликом селеньице при дороге из Биробиджана в Валдгейм. Поначалу паренек был кузнецом, потом выучился на тракториста, поработал и на МТФ и в полеводстве, а перед самой войной был избран председателем сельхозартели.

– Наш Ошер знает биробиджанскую землю не хуже настоящего агронома, – на ходу рассказывает мне Гендин. – А знаете, кем он был до того, как его родители переехали в нашу область? Подпаском он был, пастушком в каком-то украинском mestechke под Балтой.

И тут Гендина неожиданно прервал председатель, рассыпавший слова моего собеседника за добрый десяток шагов от нас.

– Хаим, а почему это ты решил только про меня рассказывать? Давай-ка лучше подойдем к комбайну. Там тебе точно будет о ком рассказать.

И когда словоохотливый Гендин послушно переключился на другую тему, Черняховский снова его перебил:

– А вот я, товарищи, знаю Хaima Гендина еще с того времени, когда он шарманку на улицах крутил. Помню, рассказывали, как он то по Малину, то по Одессе с попугаем ходил. И кто теперь может себе представить, что нашуважаемый председатель колхозной ревкомиссии Хаим Гендин – бывший шарманщик? Вот как наш Биробиджан людей «перерабатывает». Ну и как таким людям не полюбить Биробиджан?

Возвратившись в поселок, мы почувствовали на одной из улиц довольно приятный незнакомый мне запах.

– Чую, жареным запахло, – шутливо комментирует Черняховский. – Точнее сказать, вареньем. – И тут же жестом предлагает нам следовать за ним – по направлению к дому в глубине двора, обнесенного штакетником и чуть ли не полностью застланного тенью могучего густолиственного дуба. В середине двора трепещет костерок, возле которого сидит полнотелая пожилая женщина, помешивая в тазу деревянным черпаком темную массу будущего варенья.

– Доброго дня вам, мамаша, – приветствует хозяйку подворья Гендин. – Из чего, хочу полюбопытствовать, в этом доме варенье готовят?

– Из малины. Дай бог, чтоб только все получилось.

– А шо, кто-то в вашем доме, не дай бог, простудился и заболел?

– Пусть уже болеют наши враги. А мы можем с удовольствием скушать варенье из малины и здоровыми.

Женщина вытянула из-под треножника пару головешек, чтобы ослабить огонь, и пригласила нас пройти в дом.

– Ну вот, смотрите, наше жилье.

А заглянули мы только что в дом колхозника Йосла Басова. Здесь две просторные комнаты и кухня. Обе комнаты обставлены мебелью с биробиджанской фабрики. В уютном, аккуратно прибранном помещении приятная прохлада. Здесь чисто вымытые полы, ровно побеленные стены.

Выходя из дома, мы встретили во дворе самих хозяев подворья – Йосла Басова, рослого молодого человека с медалями на груди и его супругу, лицом и фигурой сильно похожую на ту, что варила варенье.

– Шли с работы да решили искупаться, – обращаясь к Черняховскому, «докладывает» Басов. – Ну райское же удовольствие!

– Йосл, – подступила к Басову старуха. – Зови уже гостей в дом. Я их как раз вареньем угостить хочу.

– Да успеешь ты со своим вареньем, мам. Сперва бы им что-то посущественней к столу подать. – И к нам: – Пройдемте в дом, пожалуйста.

Когда за обильно накрытым столом собирались гости и все семейство хозяев дома, Йосеф Магидов, конечно же, был готов задать хотя бы один вопрос каждому из сидящих. Дипломатично предвидя, что ожидаемая беседа может затянуться, миссию «отвечающего за все» взял на себя Басов:

– Что я должен сказать прежде всего? – начал он. – Вы сами видите, дорогие гости, как живу, например, я. Имею свой дом, в хозяйстве – корова с теленком, держим птицу, огород у нас большой, каждый год откармливаем кабанчика. Хлеба, картошки и овощей хватает нам на весь год. В колхозе трудимся всей семьей. Это за год получается даже побольше тысячи трудодней. А на них в колхозе, кроме прочего, еще и деньги выдаются. Не во всех, конечно, колхозах все так, как у нас. Ну так ведь и работать можно по-разному… Короче говоря, мы, Басовы, живем как надо. Да и нельзя в своей-то собственной области по-другому жить.

– Уж это конечно…

– Верно сказано…

– Точно так…

…«Люди в Биробиджане живут неплохо. А в своей собственной области только так и следует жить», – наверное, именно такие слова напишет в письме своим землякам из Гайсина Йосеф Магидов и, вполне может быть, в конце того письма подпишется: «Житель Биробиджана Йосеф Магидов». Во всяком случае, решение он уже принял для себя твердое: как только закончится его армейская служба, он непременно поселится в Еврейской автономной области, чтобы стать ее постоянным жителем. Ну а со временем, понятно, и старожилом на «родной земле дальневосточной».